

КТО БЫЛИ НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ

СВ. КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ,

СЛАВЯНЕ ИЛИ ГРЕКИ?*

Въ «Православномъ Обзорѣніи» 1864 г., мѣсяцъ май, г. Погодинъ предположилъ доказать, что Кириллъ и Меодій были славяне, а не греки. Изъ любви къ такимъ свѣтымъ и привлекательнымъ личностямъ желали бы и мы приурочить ихъ къ славянскому роду; но, признаться, представленныя г. Погодинымъ доказательства не показали намъ на-столько убѣдительными, чтобы мы могли притязать на происхожденіе нашихъ первоучителей отъ славянской крови.

Доказательства его основаны и на выводахъ а priori, и на указаніяхъ а posteriori.

Апріорическія доказательства суть:

1) Что «допустить переводъ чего-либо съ своего языка на чужой труднѣе и необычайнѣе, чѣмъ переводъ съ чужаго языка на свой». Конечно, говоря вообще, такъ! Но Кириллъ и Меодій были въ исключительномъ положеніи. Они столько-же хорошо знали и славянскій языкъ, какъ и греческій, бывъ окружены славянскимъ поселеніемъ,

* Изъ приготавлиаемаго ко второму изданію соч. И. В. Платонова: «Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ св. Кирилла и Меодія».

съ которымъ находились въ безпрерывномъ сообщеніи и изъ котораго, можетъ быть, имѣли нѣсколько человѣкъ и въ своемъ родномъ домѣ, — точно такъ, какъ и нынѣ армяне или евреи, находясь среди русскаго населенія, знаютъ не только свой природный языкъ, но и языкъ тѣхъ жителей, среди которыхъ рожденіемъ или промышленностію поставлены, или даже какъ и сами русскіе, поселяясь среди инородцевъ, не забывая своего языка, очень хорошо узнаютъ и языкъ мѣстный. А что солунскіе братья отлично знали славянскій языкъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ отзывъ самого императора, «яко селоуныне все чисто словенскы бесѣдуютъ». Послѣ сего, что удивительнаго, если они съ своего природнаго греческаго языка рѣшаются, для великой богоугодной цѣли, перевести святое писаніе на славянскій, равно имъ извѣстный, точно такъ какъ и въ новѣйшія времена ученые евреи переводили же съ своего природнаго еврейскаго языка на разныя европейскіе языки талмудъ и другія замѣчательныя еврейскаго производства книги. А восточные толмачи развѣ не переводятъ и доселѣ съ природныхъ своихъ языковъ на чуждые иностранныя, передавая волю своихъ повелителей?

2) Что «мы въ продолженіи исторіи мало видимъ грековъ и римлянъ переводящими на какой-нибудь чужой языкъ». Но въ этомъ, во-первыхъ, не было нужды, ибо вслѣдствіе превосходства греческаго языка, въ которомъ заключены высшіе результаты развитія человѣческаго духа, всякій иностранецъ старался самъ усвоить себѣ это сокровище умственнаго образованія. Но въ XV вѣкѣ, когда греки, вытѣсненные турками изъ отечества, принуждены были бѣжать въ Италію, они не чуждались переводить приписанныя ими творенія своихъ геніевъ на латинскій и итальянскій языки. Во-вторыхъ, такъ-какъ греки каждому новообра-

щенному народу позволяли въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ употребленіе природнаго языка, то всегда изъ среды обращенныхъ выискивались просвѣщенные личности, которыя принимали на себя подвигъ усвоенія священнаго писанія языку народа, какъ напр. Улфила — для готѣвъ, Григорій — для армянъ, разные духовные пастыри — для коптовъ, абиссинцевъ, грузинъ и другихъ. А Римъ, какъ извѣстно, постоянно держался того правила, чтобы св. писаніе читалось и богослуженіе совершалось на языкѣ латинскомъ — языкѣ іерархін.

3) «Въ IX-мъ столѣтіи греку самому высокообразованному возымѣть мысль перевести св. писаніе, ввести богослуженіе на чужомъ языкѣ — было бы событіемъ безпримѣрнымъ, а еще болѣе распространеніе чужаго языка сдѣлать задачею всей своей жизни». Не знаю, отчего г. Погодину угодно представлять IX-й вѣкъ въ состояніи такого глубокаго охлажденія къ вѣрѣ и вообще нравственнаго упадка. Исторія этого времени представляетъ намъ и не мало подвижниковъ, даже мучениковъ, душу свою за правовѣріе положившихъ, каковы напр. были всѣ подвижавшіеся противу императоровъ за честь иконъ и извѣстные 42 мученика, хотѣвшіе лучше погибнуть въ истязаніяхъ отъ магометанъ, нежели измѣнить святой вѣрѣ. Впрочемъ, если мы вообразимъ себѣ, что идетъ посольство отъ князей, властвовавшихъ въ довольно пространной и значительной области съ просьбою о присылкѣ людей, которые бы могли имъ объяснить на родномъ ихъ языкѣ правила принятой ими вѣры; что вмѣстѣ этимъ-же средствомъ можетъ быть довершено обращеніе другой славянской страны — разумѣю Болгарію, — которая доселѣ такъ враждебно проявляла себя по отношенію къ византійской имперіи и грозила ей вѣчною опасностію, что вмѣстѣ съ этимъ враждебныя отношенія ея къ Царюграду должны будутъ прекра-

тяться и даже замѣняться дружескими: то, въ виду такихъ великихъ благотворныхъ послѣдствій, легко могла подвигнуться какая-нибудь добрая христіанская душа на трудъ перевода св. писанія и богослужебныхъ книгъ и распространенія чужаго языка, не въ видахъ литературныхъ, но съ цѣлю успѣшнѣйшаго и совершеннѣйшаго привитія къ народу христіанства. Зная житіе св. первоучителей, которыхъ достовѣрность, кажется, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, не знаю, какимъ образомъ можно дѣлать такое обидное для чести угодниковъ предположеніе, какое заключается въ доказательствѣ г. Погодина. Да! при ихъ покорности волѣ Промысла, преданности дѣлу религіи, при ихъ самоотверженности и обладаніи величайшими средствами для успѣха проповѣди, на что они, святые проповѣдники, на что не могли отважиться, какого не могли предпринять подвига, какого не могли совершить дѣла во славу Божію? Мудрено опредѣлять силу ревности въ отдѣльномъ человѣкѣ въ какое бы то ни было время и всѣхъ подводить подъ одинъ уровень.

4) «Въ самой жизни Кирилла и Меѳодія не видно греческихъ признаковъ: грековъ тянуло всегда домой, а Кириллъ и Меѳодій путешествуютъ безпрестанно». Но развѣ церковная исторія мало представляетъ намъ личностей изъ разныхъ націй, которыя, посвятивъ себя апостольскому служенію, всю жизнь свою проводили въ странствованіи изъ мѣста въ мѣсто, изъ страны въ страну, ради проповѣди слова Божія? Неужели всѣ миссіонеры, разносящіе теперь слово Божіе по отдаленнымъ странамъ востока, должны быть славяне? Напротивъ, славянскаго племени христіане наименѣе являются на этомъ поприщѣ. Да и почему г. Погодину пришло на мысль усвоить славянамъ, какъ племенную особенность, охоту странствовать? Напротивъ, греки явля-

ются по исторіи болѣе склонными къ перемѣнѣ мѣста жительства; это доказываютъ ихъ колоніи, водворенныя на самыхъ отдаленныхъ пунктахъ земли отъ прежнихъ мѣстъ ихъ жительства. А славяне оставляли мѣста своего «сидѣнія» только по необходимости, вытѣсняемые напоромъ другихъ народовъ, а сами по себѣ, какъ замѣчено историками, и, думаю, гдѣ-нибудь самимъ г. Погодинымъ, — народъ домолюбивый. Не упустимъ изъ виду и того, что Кириллъ и Меѳодій странствовали для распространенія Христовой вѣры не сами по себѣ, но вѣлѣдствіе положительныхъ вѣлѣній высшей правительственной власти, которымъ они, за грѣхъ только считали сопротивляться ради дѣла Божія; сами же по себѣ они любили мирное уединеніе, отшельническую жизнь, гдѣ предавались наукѣ и богомыслию, — какъ это видно изъ того, что они, каждый разъ по возвращеніи изъ своихъ апостольскихъ путешествій, удалялись въ монастыри, равно и изъ словъ, сказанныхъ Кирилломъ своему брату передъ кончиною: «ты любиши гороу вельми, то не мози горы ради оставити оученія своего». Вспомнимъ и о томъ, какъ мать святыхъ братьевъ, разставаясь съ ними предъ ихъ удаленіемъ изъ дома, обязывала ихъ, чтобы тотъ изъ нихъ, который переживетъ другаго, поставился похоронить его на родинѣ — какъ, дѣйствительно, Меѳодій, во исполненіе материнской воли, молилъ папу, чтобы онъ предоставилъ ему похоронить брата своего на родинѣ, и какъ, по отказѣ папы въ просьбѣ, согласно свидѣтельству позднѣйшаго сказанія, Меѳодій даже тайно увезъ тѣло брата своего. Развѣ это не показываетъ любви и привязанности къ родинѣ — желаніе, по крайней мѣрѣ, кости положить на родной сторонѣ?

Это — всѣ теоретическія основанія, какія представилъ г. Погодинъ въ подтвержденіе славянскаго происхожденія нашихъ первоучителей, — основанія, которыя, впрочемъ, онъ и самъ при-

знаетъ гаданіями и предоставляет усмотрѣнію читателя.

Посмотримъ теперь на доказательства *a posteriori*, или положительныя, на указаніяхъ письменныхъ памятниковъ основанныя, какія приводятся г. Погодинымъ.

1) Г. Погодинъ думаетъ видѣть намекъ на славянское происхожденіе братьевъ въ слѣдующихъ словахъ паннонскаго житія Меѳодія: «бѣ же рода не худа ѿтъ обоюдоу, но вели добра и честна, знаема первѣе богомъ и царемъ и всею селуныскою страню, якоже и тѣлѣснии его образъ являше ся, потомуу же и гърци любяще и из дѣтска, честныя бесѣды дѣяхоу». Если-бы, замѣчаетъ г. Погодинъ, авторъ житія считалъ св. Кирилла и Меѳодія греками, то съ какой стати онъ предложилъ бы замѣчаніе, что и греки любили его изъ-дѣтства? Но слѣдуетъ только понять хорошенько смыслъ мѣста — и умѣстность любви грековъ будетъ понятна. Смыслъ мѣста такой: «Не только мы, славяне, которымъ онъ, Меѳодій, оказалъ столько услугъ и для просвѣщенія которыхъ онъ принесъ столько жертвъ, не только мы, что и не удивительно, любимъ и чтимъ его, но и сами греки, для которыхъ онъ собственно ничего особеннаго не сдѣлалъ, — зная и видя его добродѣтели на мѣстѣ (который предъ тѣмъ подробно изложилъ жизнеописатель), любили его изъ дѣтства и дорожили бесѣдою съ нимъ». Какое же при этомъ правильномъ разумѣніи мѣста будетъ указаніе на славянское его происхожденіе? Скорѣе въ задней мысли у сочинителя таится убѣжденіе о греческомъ происхожденіи Меѳодія.

2) Далѣе — изъ слѣдующаго за приведенными словами мѣста г. Погодинъ то-же думаетъ извлекать доказательство въ пользу славянскаго происхожденія. Это мѣсто гласитъ такъ: «дондеже царь, увѣдѣвъ быстроту его, княженіе емоу дать дръжати словеньско. рекоу же азъ, яко прозря, како и хоташе оучителя сло-

венѣмъ послати, перваго архиепископа, да бы прооучил ся всѣмъ обычаемъ словенскимъ и обьыкъ я по малоу». По нашему разумѣнію, напротивъ, это мѣсто служить къ подтвержденію греческаго ихъ происхожденія; ибо смыслъ его таковъ: «Царь хотя и зналъ его, Меѳодія, грекомъ, и хотя не долженъ бы былъ того дѣлать по его происхожденію, однако-же, уважая быстроту его способностей, далъ ему управленіе славянскою страной, какъ будто бы предвидѣвъ, что ему доведется впослѣдствіи послать его учителемъ къ славянамъ; ибо такимъ образомъ онъ, Меѳодій, ознакомился и свыкся мало по малу со всѣми обычаями славянскими, которые, значить, прежде были чужды ему по греческому его происхожденію и воспитанію». Таковъ настоящій логическій смыслъ мѣста, и въ этомъ видѣ заключаетъ оно мысль о греческомъ, а не славянскомъ происхожденіи св. братьевъ.

3) Третье доказательство г. Погодинъ заимствуетъ изъ свидѣтельства одного сказанія, принадлежащаго XIII или XIV столѣтію, что «Кириллъ четырема языки и философіи научися: еллински, римски, сирски, жидовски». Отсебѣ заключаетъ г. Погодинъ, что если-бы еллинскій языкъ былъ природный св. Кириллу, то за-чѣмъ бы было ему учиться и почему не упомянуть бы тутъ славянскаго языка? Къ тому же заключенію, по его мнѣнію, приводятъ и замѣчаніе паннонскаго житія объ обученіи его «Омиру и всѣмъ прочіимъ еллинскимъ художествомъ». Мы еще, съ своей стороны, усилимъ доказательство г. Погодина, припомнивъ ему еще, на основаніи того-же житія, съ какою трудностію досталась ему грамматика (конечно греческаго языка, ибо почувствовалъ надобность въ ней при чтеніи Григорія Богослова), и какъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ наслѣдствомъ своимъ тому, кто научилъ бы его грамматикѣ. Стоило ли бы такихъ хлопотъ, продолжаемъ мы въ духѣ г. Погодина, изучать грам-

матику греческую, если-бы этот языкъ былъ ему природный. На это мы отвѣчаемъ: 1) что и нынѣ изученіе отечественнаго языка по правиламъ грамматики входитъ въ систему первоначальнаго воспитанія, и знать языкъ грамматикально совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ знать его машинально, по навыку. И нынѣ не рѣдко встрѣтишь ученика гимназіи или уѣзднаго училища съ неудовлетворительными отмѣтками по русской грамматикѣ. А что бы, казалось, легче было, какъ изучить правила собственнаго природнаго языка? Слѣдовательно, нечего считать страннымъ, если и Кириллъ обучался еллинскому языку и затруднялся въ уразумѣніи его правилъ. 2) Но этотъ отвѣтъ дѣлается нами только приспособительно къ нашему современному порядку ученія и не даетъ еще настоящаго, существеннаго объясненія дѣлу. Грамматика, въ древнія времена, далеко не то значила, что въ наши, и изучать природный языкъ въ то время совсѣмъ иное дѣло было, чѣмъ нынѣ. Въ нынѣшнее время предметомъ грамматики есть слово живое и въ дѣйствительномъ разговорѣ употребляемое. А тогда предметомъ грамматики былъ исключительно языкъ книжный, письменный, какъ то показываетъ и самое наименованіе науки, заимствованное отъ слова *ὑφάρματα*, письмена, и такъ-какъ языкъ книжный рано отдѣлился отъ языка живаго и употребительнаго, а въ IX-мъ столѣтіи, когда жилъ Константинъ, сдѣлался совершенно несходнымъ съ языкомъ народнымъ, то понятно, какихъ трудовъ стоило греку IX-го столѣтія ознакомиться съ языкомъ классическимъ или литературнымъ и какое великое преимущество образованія составляло — читать съ понятіемъ творенія Гомера. Объ этомъ мы можемъ заключить и по нынѣшнимъ грекамъ, для которыхъ изученіе греческихъ классиковъ представляетъ не меньшій трудъ, какъ и для насъ не-грековъ родомъ. Отъ этого-то и грамматики имѣли тогда со-

всѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣ. Это была наука сложная и обширная, которая поставляла себѣ задачею уясненіе всего классическаго міра; это былъ ключъ къ разумѣнію всѣхъ поэтовъ, философовъ, историковъ и образователей Греціи, и преподаванію грамматики посвящали себя тысячи такъ названныхъ оттого грамматиковъ, риторовъ, глоссаторовъ и т. п. Такое высокое понятіе о грамматикѣ перешло и въ позднѣйшія времена. По крайней мѣрѣ, не по другой причинѣ Максимъ грекъ, первый давшій понятіе о грамматикѣ въ Россіи, представляетъ ее въ слѣдующихъ величественныхъ чертахъ: «Грамматика есть начало и конецъ всякому любомудрію. Ей же прилѣжай благоумнѣйшая вся собираетъ, неудобная же ею познаетъ. О сеи прогоняется отъ тоя любящихъ и всякое мраковидное неразуміе. Сія вожде къ боговидному смотренію, и предивному и неприступному богословію. Сія — лѣствица горѣ игриваго и небожелаемаго шествія». По этимъ-то двумъ послѣднимъ преимуществамъ грамматики, Константинъ, принявшійся за чтеніе глубокомысленныхъ твореній Григорія Богослова и «немогы разоумѣти глубинъ», обратился не къ кому другому, не къ богослову и не къ философу, но къ учителю «грамматикѣи», «да наоучитъ его хоужеству граматическому»; потому что онъ не понималъ значенія многихъ словъ у богослова и строя рѣчи, точно такъ, какъ если-бы теперь кто, не изучивши славянской грамматики, вздумалъ читать и понимать какую-нибудь древнеславянскую книгу. Такимъ образомъ Константинъ, хотя и природному греку, прилично и необходимо было учиться «еллински» мудрости, и вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ затруднялся въ пониманіи Григорія Богослова. Вѣдь и самъ Григорій Богословъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Василиемъ учились же всѣмъ, еллинскимъ хитростямъ, т. е. греческой литературѣ, у софиста Ливанія, хотя оба были природные

греки. А что выраженіе «научися Омиру и всѣмъ прочимъ еллипскимъ хитростямъ» представляетъ еллиназмъ какъ-бы чуждымъ Константину, то эта чужевидность имѣетъ отношеніе не къ Константину, а къ автору его житія, природному славянину, которому естественно было сознать греческую образованность не своею, а «еллинскою». — Отвѣчать ли еще на то, почему не упомянуто, что Константинъ изучилъ славянскій языкъ? Отвѣтъ простой, — что учиться не чему было, ибо не только не существовало никакой письменности на славянскомъ языкѣ, но и не было самой азбуки, которой появленіе еще скрывалось только въ будущей дѣятельности св. братьевъ, а славянскій языкъ знали они по-наслышкѣ, чрезъ обращеніе съ жившими вокругъ нихъ славянами.

4) Еще г. Погодину слышится намекъ на славянское происхожденіе Кирилла въ словахъ житія: «умолиша и учительны столъ пріяти и учити философіи тоземцы и странныя со всякою службою и помощію». Но въ этомъ мѣстѣ мы ничего болѣе не слышимъ какъ только ту мысль, что Кириллу поручено было преподаваніе философіи не только для мѣстныхъ жителей или уроженцевъ Константинополя, но и для всѣхъ приходящихъ со стороны, такъ-какъ Константинополь былъ тогда столицею всемірной образованности, куда приходили искать просвѣщенія и самые чтители алкорана, нуждавшіеся въ познаніяхъ философіи и діалектики, — и разумѣя такъ мѣсто, какъ, кажется, иначе и понимать его нельзя, мы не усматриваемъ въ немъ даже косвеннаго намека на происхожденіе Константина вообще.

5) Погодинъ, въ подтвержденіе славянскаго происхожденія св. братьевъ обращаетъ извѣстныя слова императора, сказанныя имъ при отправленіи ихъ въ Моравію: «вы бо еста селоунынина, а селоуныне всѣ чисто словенски бесѣдуютъ». Но если разумѣть

эти слова такъ, какъ хочетъ того г. Погодинъ, то они будутъ представлять чистую галиматью; именно ихъ перефразировать тогда слѣдуетъ такъ: «вы славяне, а славяне всѣ чисто говорятъ по-славянски»; все равно, какъ-бы такъ сказать: «вы русскіе, а всѣ русскіе чисто говорятъ по-русски». Но въ слѣдующемъ примѣнительномъ оборотѣ будетъ смыслъ: извѣстно, что въ двухъ сопредѣльныхъ съ Малороссією великорусскихъ губерніяхъ употребителенъ языкъ малороссійскій; такъ если-бы кто сказалъ такъ: «вы куряне или воронежцы», а въ курской и въ воронежской губерніяхъ (по-мѣстамъ) хорошо умѣютъ говорить по-малороссійски. Одинаковый совершенно смыслъ и въ присе-денныхъ выше словахъ императора: «я знаю, что вы по рожденію — греки и природный вамъ языкъ есть греческій; но вы — уроженцы Селуня, города населеннаго и окруженнаго славянами, и потому должны знать хорошо славянскій языкъ, какъ и вообще селуняне всѣ чисто бесѣдуютъ по-славянски. А потому вамъ не будетъ стоять ни малѣйшаго труда, по дѣлу проповѣди, входить въ непосредственную бесѣду съ моравами, которые тоже славяне.

6) Какъ на болѣе сильное доказательство славянской природы Кирилла и Меѳодія, г. Погодинъ указываетъ на то, что въ сдѣланномъ ими славянскомъ переводѣ книгъ св. писанія не встрѣчается грецизмовъ, которые были бы непремѣнно, если-бы переводчики были греки, точно такъ какъ у француза встрѣчались бы непремѣнно галлицизмы, а у нѣмца — германизмы. Но Кириллъ и Меѳодій переводили св. писаніе буквально, не перемѣняя словорасположенія подлинника, похоже на дѣлаемые нынѣ подстрочные переводы. Слѣдовательно, можетъ ли тутъ быть и рѣчь какая о соблюденіи идиомовъ славянскаго языка, исключая самыхъ необходимыхъ славянскихъ оборотовъ, каково напр. упо-

требленіе двойственного числа вмѣсто множественнаго въ греческомъ, или дательнаго самостоятельнаго вмѣсто родительнаго греческаго? За отсутствіемъ всякой славянской письменности и за неупотребленіемъ языка на выраженіе разныхъ умственныхъ и отвлеченныхъ понятій, онъ не могъ имѣть твердыхъ и непремѣнныхъ правилъ, и при первоначальномъ его употребленіи на дѣло письменности могъ принимать всякія словесныя формы. Если же сдѣланный братьями переводъ поваго завѣта, сколько мы можемъ судить по Остромирову евангелію, какъ ближайшему, по времени, къ первоначальному переводу и слѣдовательно не могшему еще далеко отъ него уклониться, — довольно понятенъ для всякаго славянина, то это потому, что греческій подлинникъ евангелія, предназначенный въ руководство всему человѣчеству и всѣмъ родамъ его, не носитъ на себѣ строгаго отпечатка греческаго слова, какъ оно образовалось у греческихъ писателей, но, какъ выраженіе Божескаго слова, запечатлѣно печатію общечеловѣческаго смысла, такъ-что оно можетъ быть понятно для всякаго народа даже въ буквальный его переводъ, хотя бы то и на языкъ дикаря. А что переводчики не вездѣ выдерживали идіомы славянскаго языка, на то можно указать множество примѣровъ, на-удачу пересматривая Остромирово евангеліе. Такъ напр. въ изреченіи: **радоуйтеса, яко мзда ваша многа есть на нбсехъ** (по Остром. ев. Матѳ. V, 12) развѣ слово — **многа**, которымъ переведено греческое *πολύς*, отвѣтствуетъ духу славянскаго языка, требующему, какъ и другіе языки, вмѣсто того слово *великій*, которое, для соблюденія духа своего языка, употреблено и въ нѣмецкомъ (*es wird euch im Himmel wohl belohnet werden*), и во французскомъ (*par ce que votre récompense sera grande dans les cieux*), и въ русскомъ (ибо велика вамъ награда на небесахъ) переводахъ? Или въ гл. XX ст. 1

того же евангелія: подобно ѣсть цѣрьствіе нѣсьное ѹакоу домохитоу, нже нжде коупно здоутра нажтъ дѣлатель въ кннградъ свой. Что такое коупно? Конечно, оно отвѣтствуетъ греческому *ἀμα*: но славянину оно не понятно, и затруднительно привести его къ выраженію мысли о раннемъ утрѣ, какъ переведено въ русскомъ: рано по-утру, или во французскомъ: *de la pointe du jour*. Въ гл. XXVI, стр. 12 о жепѣ, возлившей на главу Іисуса миро, говорится: възднвѣшши бо миро се на тѣло мое, на погребеніе ма сѣтворн. Послѣдній оборотъ есть чисто греческій, *ἐκ τοῦ ταφέναι με ἐποίησεν*, славянскому совершенно не свойственный; вмѣсто его, какъ въ рускомъ переводѣ стоитъ, слѣдовало сказать: уготова, или устрои. Далѣе, той-же гл. въ ст. 15-мъ говорится: они же поставиша ѹмоу *ἄ σκεκρυμνῆ*. Опять не славянское выраженіе, допущенное единственно потому, что въ подлинникѣ *ἔστησαν*; слѣдовало сказать: предложиша, какъ стоитъ въ рускомъ переводѣ, или въ нѣмецкомъ: *und sie boten ihm dreissig Silberlinge*, или во французскомъ: *et ils convinrent de lui donner trente piéces d'argent*. Въ слѣдующей XXVII гл. ст. 19: *ниутьсоже текъ и правдѣннику томоу съ подливникомъ вѣрно*: *Μιδεν σοι καὶ τῷ δικαίῳ ἐκεῖνῳ*; но славянину неудобовразумительно; слѣдовало по духу языка перевести, какъ переведено въ рускомъ: не дѣлай ничего сему праведнику, или какъ во французскомъ: *n'aie rien à faire avec cet homme*. Въ ст. 22-мъ той-же главы слова (по Остр. еванг.): *ѹтоже сѣтвори нѣса нарицаемаго *Ἰῶ* а*, буквально переведенныя съ греческаго: *τί οὖν ποιήσω Ἰησοῦν τὸν λεγόμενον Χριστόν*, по противорѣчію этого оборота съ духомъ славянскаго языка, давно найдено нужнымъ замѣнить винительные падежи дательными: *что убо сотворю Іисусу, малолемому Христу?* Ст. 24: *неповиннѣтъ ѹсмы отъ*

крѣве сего правдынаго: быть неповиннымъ отъ крови — нельзя сказать по-славянски, но — въ крови, а переведено такъ только потому, что въ греческомъ стоитъ предлогъ *ἀπό*: Ἀθῶός ἐμι ἀπὸ τῆ αἵματος τῆ δικαίᾳ τέτῃ. Перелистываемъ евангеліе отъ Марка по Остромиру. Гл. VII, ст. 37: **ГЛОУХЫѢ ТВОРИТЬ СЛЫШАТИ И НѢМЫѢ ГЛАТИ**: греческій оборотъ, заимствованный изъ еврейскаго, и изъ новѣйшихъ языковъ счастливо усвоенный французскимъ; почему переводъ тѣхъ словъ во французскомъ вышелъ буквальный: *il fait ouïr les sourdes, et parler les muets*, — по славянскому не свойственный; почему въ русскомъ и переведено: глухихъ творить слышащихъ и немыхъ говорящими. Гл. IX, ст. 34: **ДРОУТЪ КЪ ДРОУГОУ БО СЪТЯДШАСЯ НА ПЖТИ**; предлогъ *къ* вмѣсто *съ*, какъ того требовалъ бы ідіомъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, употребленъ единственно потому, что въ греческомъ стоитъ *πρὸς ἀλλήλους*; далѣе ст. 37: **ИЖЕ АЩЕ ЕДИННО ТАКОВЫНХЪ ОТРОУАТЬ ПРИМЕТЬ ВЪ НМА МОЕ**; оборотъ, допущенный единственно потому, что въ греческомъ, по требованію языка, стоитъ родительный: *ἐν τῶν τοιούτων παιδίων*, а по-славянски слѣдуетъ сказать: **ЕДИННО ОТЪ ТАКОВЫХЪ ИЛИ ИЗЪ ТАКОВЫХЪ**. Гл. X, ст. 40: **А ЕЖЕ СЪСТИ ОДЕСНАѢ МЕНЕ И ЛѢВЖѢ...** Всѣ эти иже, яже, еже, не свойственны славянской рѣчи, и между тѣмъ такъ въ ней распространенны, навязаны ей раболѣпнымъ подражаніемъ греческому, какъ и въ приведенномъ примѣрѣ «еже съести» есть переводъ до буквы греческаго *τὸ δὲ καθίσαι*. Беремъ одинъ примѣръ и изъ евангелія отъ Луки по Остромиру: гл. II, ст. 23: **ИКО ВЪСІКЪ МЛАДѢНЦЪ МАЖЬСКА ПОЛОУ, РАЗВРЪЗАѢ ЛОЖЕСИ, СТО ГѢИ НАРЕУЕТЬСЯ**. Откуда этотъ средній родъ при существительномъ, прямо названномъ, мужескаго рода или пола, въ противоположность Державину, у котораго въ подобномъ случаѣ

имя средняго рода явилось однажды съ мужескимъ: отроча порфирородно въ царствѣ сѣвера рожденъ? Отъ греческаго, гдѣ стоитъ *ἄριστος*, но, правда, и при существительномъ средняго *ἀρετῆς*. Больше не перелистываемъ страницъ Остромира, боясь наскучить читателю, а считаемъ достаточнымъ и приведенныхъ образчиковъ, чтобы показать, что славянскій переводъ св. писанія не только не свободенъ отъ грецизмовъ, какъ кажется г. Погодину, но, напротивъ, преисполненъ ими, будучи буквальнымъ сколкомъ греческаго подлинника. Не можемъ же мы предполагать ихъ измѣненіями, сдѣланными въ позднѣйшее время; напротивъ, мы думаемъ, что чѣмъ позже какое евангеліе, тѣмъ болѣе оно очищалось, и чѣмъ раньше, тѣмъ оно болѣе обременено несвойственными языку оборотами. Слѣдовательно, какіе же грецизмы надобно предполагать въ первоначальномъ славянскомъ переводѣ св. писанія, когда и въ позднѣйшихъ его видахъ они такъ многочисленны! Но евангеліе есть, какъ мы сказали, книга всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и потому особенность языка еще не бываетъ такъ поразительна въ переводѣ. Но возьмемъ переводъ богослужебныхъ пѣсней, которыя несравненно болѣе носятъ на себѣ отпечатокъ и личности сочинителя, и національности поэтического построенія, и требованій мѣрной рѣчи. Здѣсь грецизмы при переводѣ являются уже въ такомъ преобладающемъ размѣрѣ, что за ними для славянина иногда теряется самая мысль и смыслъ пѣсни. Довольно вспомнить при этомъ нѣкоторые праздничные ирмосы. Какъ-же послѣ этого рѣшиться утверждать, что первообразные славянскіе переводы какъ св. писанія, такъ и богослужебныхъ книгъ не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ чуждаго происхожденія, отпечатковъ греческаго подлинника, и, вслѣдствіе того, уклоненій отъ духа славянскаго языка? Утверждать это значитъ идти наперекоръ указаніямъ всѣхъ страницъ библіи

и церковныхъ книгъ, прямо говорящихъ о греческихъ оборотахъ, о греческомъ словорасположеніи, а иногда представляющихъ повтореніе греческихъ словъ.

Наконецъ, ко всѣмъ этимъ соображеніямъ а priori и а posteriori г. Погодинъ представляетъ еще три положительныхъ свидѣтельства для завершенія, такъ сказать, своихъ доказательствъ.

Первое свидѣтельство заимствуется имъ изъ житія св. Кирилла, найденнаго г. Гильфердингомъ въ сборникѣ XV — XVI столѣт. въ Далмаціи и напечатаннаго имъ въ «Извѣстіяхъ II-го отдѣленія академіи наукъ» т. VI, выпускъ 5, гдѣ читается: сѣи преподобный отецъ нашъ Кириллъ бысть отъ Селуна града, родомъ съ Болгаріи, отъ благовѣрныхъ родителей родися» и пр. На это мы отвѣтимъ, что не стоило бы и труда обращать вниманіе на подобное свидѣтельство, которое относится къ такому позднему времени, получивъ начало отъ какого-нибудь искаженнаго преданія, и принадлежитъ такому невѣжественному писателю, который не знаетъ, что Солунъ вовсе городъ не болгарскій, а македонскій.

Второе свидѣтельство будто-бы заключается въ слѣдующемъ выраженіи Климентова похвального слова Кириллу; «пріидоста оттуда на западныя страны, благовѣтствующе слово Божіе въ языкъ новъ, и весь церковный законъ преложиста, отъ греческаго въ свой имъ языкъ предаста». Здѣсь уже приходится съ г. защитникомъ славянскаго происхожденія первоучителей идти на судъ передъ грамматику. Къ чему относятся слова: свой имъ языкъ? Не къ братьямъ переводчикамъ, но къ западнымъ странамъ, какъ это ясно доказываетъ употребленное во множественномъ числѣ мѣстоименіе: имъ, тогда какъ, если-бы тѣ слова относились къ святой двойцѣ братьевъ, мѣстоименіе употреблено бы было въ двойственномъ числѣ: има, согласно строю всего мѣ-

ста, проведенному въ двойственномъ числѣ: пріеи доста, прѣлѣ-
жиста, предаста, — такъ что простой и прямо представляю-
щійся смыслъ мѣста есть тотъ, что два св. брата для запад-
ныхъ славянскихъ странъ переложили уставъ церковный на у-
потреблявшійся въ тѣхъ странахъ, въ свой имъ природный
языкъ. Въ такомъ, а не въ другомъ смыслѣ употребляется это
выраженіе и въ другихъ славянскихъ писаніяхъ. Такъ, въ пан-
нонскомъ житіи Кирилла: «съ радостію иду тамо, аще имають
боуквы въ языкѣ свои»; или: «сотвори нынѣ въ наша лѣта,
явлѣ боуквы въ вашъ езыкѣ» (Отд. XIV); или: мы же на-
родъ много знаемъ, книги оумѣюще, и Богоу славою въздающе
къждо своимъ езыкомъ (Отд. XVI); или въ житіи св.
Меоодія (VIII): «да вы научить, сказая книги въ языкѣ
вашъ». И у нашего Нестора: «и ради быша словене, яко слышаша
величія Божія своимъ языкомъ». Эти примѣры мы привели
для того, чтобы показать дѣлаемое въ рѣчи постоянно усвоеніе
языка не лицамъ, которыя переводили, но народу, для котораго
переводили, чего совершенно требуетъ и логическій ходъ мысли,
когда народъ говоритъ или положеніемъ своимъ показываетъ,
что онъ не понимаетъ ученія на чуждомъ языкѣ, тогда есте-
ственно помочь ему сообщеніемъ на его языкѣ, а личность пе-
реводчика въ такомъ случаѣ теряется изъ виду. Подобный обо-
ротъ слышимъ мы и въ словахъ дѣяній апостольскихъ, гл. II,
ст. 6 и 8: «спидесе народъ и смятесе яко слышаху единъ кійждо
ихъ (изъ сошедшихся) своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ»
(апостоловъ, пад. вин.): *ἑτεῖς ἕκαστος εἰς ἑκάστον τῆ ἰδίᾳ διαλέκτῳ*
αὐτῶν; и како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ
немъ же родихомся: *καὶ πῶς ἡμεῖς ἀνέκομεν ἑκάστον τῆ ἰδίᾳ*
διαλέκτῳ ἡμῶν, ἐν ᾗ ἐγεννήθαμεν. Очевидно, здѣсь подъ своимъ
языкомъ не разумѣется языкъ апостоловъ, но языкъ слышавшихъ

ихъ рѣчи народовъ, какъ это необходимо понимается и по существу дѣла и по спесенію этихъ словъ съ ст. 8-мъ, хотя, увлекаясь звукомъ словъ—своимъ языкомъ, и можно бы было придти къ мысли, объ апостолахъ, точно такъ, какъ г. Погодинъ, обманувшись звуками—въ свой имъ языкъ, поползнулся на разумѣніе о языкѣ первоучителей, чтобы вывести изъ того, что славянскій языкъ былъ имъ родной, и что, слѣдовательно, сами они были природные славяне.

Наконецъ, третье свидѣтельство — *excerptum de conversione Carantanorum*, XIII-го столѣтія: *supervenit quidam sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit slavicas litteras, et slavice celebravit divinum officium*. По нашему разсужденію, и здѣсь такой невѣжественный писатель, который производитъ первоучителей изъ Истріи и Далмаціи, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, видно, что писалъ съ вѣтру по доходившимъ до него смутнымъ слухамъ, и зная, что два брата изобрѣли славянскую грамоту и ввели церковную службу на славянскомъ языкѣ въ странахъ славянскихъ, не могъ вообразить себѣ другой для нихъ родины, какъ славянскую страну, Далмацію, гдѣ такъ ревностно и такъ долго отстаивалось славянское богослуженіе, и ихъ самихъ — усвоить другой національности, какъ только славянской.

Наконецъ всѣ эти разсужденія и доказательства покроемъ яснымъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ двухъ достовѣрныхъ сказаній, которыхъ г. Погодинъ не имѣлъ или не хотѣлъ имѣть въ виду. Одно принадлежитъ греческому житію Климента и гласитъ такъ: *οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μὲν τέκνον ἐποίησατο, καὶ τῆς οἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηγήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς*

τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος, т. е. (по переводу проф. греческой словесности А. Меншикова) «кроме того, болгарскаго князя Бориса, который жилъ во времена греческаго императора Михаила, великій Меѳодій, еще прежде сдѣлавши чадомъ своимъ и плѣнивши его отечественнымъ своимъ (греческимъ) языкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, въ это время непрестанно осыпалъ благотѣльными дарами словесъ и поученій». Кому было ближе знать, какой природный языкъ былъ у Меѳодія и слѣдовательно, кто онъ былъ родомъ, какъ не одному изъ приближеннѣйшихъ лицъ къ тому, кто былъ самъ вѣкогда приближеннѣйшимъ и преданнѣйшимъ ученикомъ Меѳодія? Другое свидѣтельство принадлежитъ латинскому сказанію о св. Кириллѣ и Меѳодіи, заключенному въ *Lectiones Ecclesiasticæ de iisdem ss. Cyrillo et Methodio, ex veteri ms. Breviario Olomucensi*, которыя въ католическихъ *Acta sanctorum* (Vol. II) помѣщены (pag. 24) вслѣдъ за италіанской и моравской легендами о св. Кириллѣ и Меѳодіи, и которыя если не составляютъ сами первоначальнаго источника, то по крайней мѣрѣ составлены по первоначальнымъ источникамъ. Въ этихъ-то чтеніяхъ (*Lectiones*) въ самомъ началѣ говорится: *Beatus Cyrillus, natione Graecus, tam Latinis, quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Vulgari crediderunt, aggressus est in nomine s. Trinitatis, et individuae Unitatis, etiam genti Moraviae fidem D. N. Jesu Christi praedicare*. Если въ этомъ свидѣтельствѣ слово «*Graecus*» стояло одно, то, пожалуй, кто-нибудь могъ бы еще возразить, что здѣсь разумѣется грекъ по вѣрѣ, но прибавка: *natione — natione Graecus* уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что западный писатель разумѣлъ Константина грекомъ по происхожденію, по національности.

Такимъ образомъ, по нашему убѣжденію, доказательствъ г. Погодина далеко не достаточно для того, чтобы мы могли рекомендовать себя св. Первоучителямъ въ племенное родство, и покуда не отыщутся лучшія доказательства, будемъ довольствоваться нашимъ духовнымъ съ ними родствомъ, которое, по выраженію нашей Кормчей, паче плотскаго.

И. Платоновъ.

ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1866

Томъ XIII.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

—
1866.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т Р И Н А Д Ц А Т А Г О Т О М А .

	Стран.
Слово въ день Рождества Христова, сказанное высокопреосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, 25 декабря 1865 года	1.
Богослуженія въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ. <i>В. Я. Михайловскаго</i>	6 и 160.
О церкви протестантской въ ея настоящемъ состояніи. <i>Н. Побьдоносцева</i>	24.
Слово на новый годъ. <i>Пр. В. И. Добротворскаго</i>	88.
Слово, сказанное высокопреосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, 17 января 1866 г.	149.
Кто были наши первоучители св. Кириллъ и Меѳодій, славяне или греки? <i>И. В. Платонова</i>	200. ✓
Замѣтки на статью: «Выборное начало и улучшение быта духовенства». <i>Свящ. Ф. С—ва</i>	219.
Изъ путевыхъ замѣтокъ. <i>Н. И. Чижевскаго</i>	228.
Поученіе предъ исповѣдью. <i>Пр. В. И. Добротворскаго</i>	313.
Томасъ Мюнцеръ, Эпизодъ изъ исторіи церковной реформы въ Германіи. <i>М. Н. Петрова</i>	319.

Порченые. <i>Свящ. И. В. Исполатовскаго</i>	363.
Письма противъ матеріализма Фридриха Фабри. <i>И. В. Красовскаго</i>	392.
Рѣчь предъ молебствіемъ о здравіи благочестивѣйшаго Государи Императора Александра Николаевича, 10 апрѣля 1866 года, сказанная преосвящ. Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ	411.
Рѣчь въ день рожденія благочестивѣйшаго Государи Императора Александра Николаевича, сказанная преосвящ. Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, 17 апрѣля 1866 года	474.
Греко-униты острова Кипра въ XIII — XVI ст. <i>Игум. Арсенія</i>	477.
Странники изъ простыхъ и странники изъ благородныхъ. <i>Свящ. П. В. Исполатовскаго</i>	404.
По Невѣ до Шлюссельбурга и каналомъ до Ладоги. <i>А. Б.</i>	538.
Костромскія письма. <i>И. П.</i>	556.
Извѣстія:	

Нѣкоторыя мѣры къ упрощенію дѣлопроизводства по духовному вѣдомству. Касательно отвода приходскихъ церквей для отправленія въ нихъ богослуженія полковыми священниками. Объ измѣненіи порядка сношеній епархіальныхъ начальствъ съ гражданскимъ объ отпускѣ лѣса для постройки и исправленія церковныхъ и монастырскихъ зданій. Объ измѣненіи порядка сношеній епархіальныхъ начальствъ съ гражданскими о надѣленіи монастырей земельными и лѣсными угодьями. Относительно раздѣла доходовъ между членами причтовъ. По вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства московской